

Михаил Ахманов

КЛИМ ПЕРВЫЙ, ДРАКОНОБОРЕЦ
КЛИМ ДРАКОНОБОРЕЦ И ЗОНА СМЕРТИ

Михаил Ахманов

Клим Драконоборец и Зона Смерти

Роман

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
А95

Художник
С. Бабкина

Ахманов М.

А95 Клим Драконоборец и Зона Смерти: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1952-4

В далекой южной стране Иундее случилось страшное бедствие: с неба упала звезда, породившая Зону Смерти... Король Хай Бории Клим Драконоборец и его боевая команда — придворный шут, джинн Бахлул и кот-баюн — немедленно отправляются в поход. Им предстоит пересечь горы, степи, лесные дебри, а на обратном пути опасные моря, и по дороге им встретятся разбойники, русалки, ведьмы, сирены и другие удивительные существа. Борьба с тварями из Зоны Смерти потребует от Клим отваги и хитроумия, но он одержит победу и получит награду от правителя Иундеи — загадочного многоликого пресвитера Иоанна.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Михаил Ахманов, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-1952-4

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Как сообщалось в первой части моего повествования, историю Клима Андреевича Скуратова, бывшего майора спецназа, мне рассказал полковник Рукавишников, некогда его сослуживец. Произошло это в июне 2043 года, и полковник, в доказательство своих слов, познакомил меня кое с какими раритетами: мечом странной формы с рунической надписью по лезвию, поясом из чеканных серебряных пластин и золотым нагрудным знаком — вероятно, орденом — в виде дракона с распростертыми крыльями. Как он утверждал, то были награды за операцию у Южных Болот, которых Рукавишников удостоился в битве с орками. Кроме того, он высыпал на стол кучку больших монет из серебра и золота, прежде никогда мною не виданных; на одной стороне — тот же дракон, а на другой — корона в венке из дубовых листьев.

Рассказы полковника послужили основой для моего романа «Клим Первый, Драконоборец», который я закончил в октябре 2043. Мне казалось, что тема исчерпана, так как никаких новых сведений из магической реальности, в которой живет и царствует Клим Скуратов, я, разумеется, получить не мог. Не ходят туда поезда, не летают воздушные лайнеры, и все виды современной связи бесполезны — нет там ни Интернета, ни телефонных книг. Правда, в одной турфирме, когда я назвал Хай Борию, обещали отпра-

вить меня в эту страну и даже поселить в пятизвездочном отеле со статусом «все включено». Но не успел я внести аванс, как турфирма лопнула, а ее владелец скрылся — возможно, сам сбежал в Хай Борию.

Как вскоре выяснилось, я был не прав насчет отсутствия связи с запредельными мирами. В ноябре сего года мне доставили увесистую бандероль в странной, похожей на пергамент упаковке и без обратного адреса. Но мой адрес там был, и на почте утверждали, что бандероль уже месяц как ждет меня — затерялась случайно среди других почтовых отправлений. С трудом разрезав прочный пергамент, я обнаружил рукопись, стопку грубой желтоватой бумаги с гербом хайборийского королевства на первом листе. Я был изумлен! Как эта посылка оказалась на почте?.. Это во-первых, а во-вторых, в средневековой Хай Бории не делали бумагу. Имелся и третий повод для удивления: текст был не написан, а напечатан на русском языке — правда, очень крупными литерами и с множеством ошибок.

Рукопись была озаглавлена так: «Хроника Майны Хабатиса «Иундея, или Путешествие Туда и Обратно», изданная в стольном граде Хайборийском в годы правления короля Маркклима Первого, победителя орков, гоблинов, драконов и тварей иундейской пустоши». Разумеется, Майна Хабатис — псевдоним, означающий на языке Хай Бории «И вам того же», а подлинное имя автора вы узнаете в одной из глав этой книги. Однако остается вопрос: кто перевел эту историю на русский? Сделал ли это сам король или кто-то из его приближенных, изучивший наш язык? Или переводчик — хайборийский принц, сын Климита Андреевича, который упоминается в «Хронике»? Правда, в описываемое время принц еще младенец, но он вполне мог вырасти, так что моя гипотеза имеет право на существование. Напомню, что Клим Скуратов попал

в Хай Борию примерно в первое десятилетие XXI века, а сведения о нем я получил уже в наши дни, в 2043 — 2044 годах. Прошло тридцать или более лет, и принц уже взрослый мужчина, которого Скуратов-старший несомненно обучил русскому языку.

Прочитав эти заметки о странствии короля Клима Драконоборца в далекую страну, я решил продолжить повесть о нем и теперь представляю на суд читателей второй роман. Как честный человек сообщаю, что у меня есть соавторы, чьи имена не указаны на обложке книги: Майна Хабатис и неведомый мне переводчик, то ли сам король, то ли его сын или кто-то еще, пребывающий в данный момент в Хай Бории. Замечу, что в конце книги упомянуты также другие странствия и приключения короля Клима, его путешествие в Астлан, конфликт с веницейцами, карательная экспедиция на Большие Черепашьи острова и тому подобное. Возможно, когда-нибудь я узнаю подробнее об этих событиях и смогу описать их в новом романе.

Петербург

Ноябрь — декабрь 2044

Глава 1

РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Начну рассказ про рыцаря Данилу,
Которого девица опоила
Волшебным зельем, сваренным из меда
И полным чар эльфийского народа.
Тот сладкий яд туманит разум мужа
И повергает его чувства в стужу,
Лишая радостей любви.

Поэма, а затем трагедийная пьеса Гортензия де Мема под названием «Эльфийка, или Несчастливая любовь рыцаря Данилы». Приписка короля на полях рукописи: «На театре в миг поднятия занавеса пусть вострубят в трубы и ударят в барабаны»

Его величество Клим Первый, король Хай Бории и сопредельных земель, победитель орков, гоблинов и драконов, сидел в своем кабинете и читал газету. Собственно, в этом магическом мире его называли по-другому — владыка Маркклим андр Шкур, соединя в краткой форме прежнюю его должность и имя: майор спецназа Клим Андреевич Скуратов. Волею судеб он перенесся из земной реальности в хайборийскую и правил королевством уже более года, свершив за этот срок многие славные подвиги. Главным, конечно, была виктория над воинством орков и гоблинов, часто вторгавшихся в Хай Борию с юга, со стороны Великого Болота, и пожиравших на своем пути птицу, скот, людей и прочее, что относилось, по их

мнению, к съестному. Клим покончил с ними в кровопролитной битве, которую местные поэты, еще не очень многочисленные, но жадные до королевских милостей, уже увековечили в балладах и былинах.

Но победа над южными дикарями-людоедами была не единственным славным деянием короля. Он привел к покорности гномов с Северных гор и соседнее княжество Нехай Борию, он заключил союз с эльфами и киммерийцами, он уничтожил злобного дракона, завладев сокровищами, что хранились в его логове, и, наконец, он справился с нечистой силой, претендовавшей на бессмертную королевскую душу. Кроме того, он женился, выбрав в супруги юную прелестную девицу. Случилось это не без проблем, так как на его руку и трон претендовали эльфийская принцесса и нехайская княжна. Обе красавицы, но эльфийка напустила сомнительных чар, а княжна, барышня на редкость склочная, тоже была замечена в интригах. По зрелом размышлении Клим выбрал юную баронессу Омриваль бен Тегрет и не ошибся — в колыбели в их опочивальне уже пускал пузыри трехмесячный младенец, будущий Марклим Второй.

Итак, он сидел в кабинете, читал «Столичный вестник» и временами посматривал в окно. Была осень, теплая, щедрая, изобильная; за городской стеной золотились поля, в садах собирали сливы и яблоки, ветер пропах ароматами фруктов, хмеля и молодого вина. На окраинах, над слободками кузнецов, гончаров и стеклодувов, курились дымки, слышался скрип телег, ржание лошадей и гомон толпы на Рыночной площади. Торговля процветала; в город тянулись подводы с сеном, зерном и бочками пива, гнали лошадей и скот, по Южному тракту везли соль в огромных телегах, запряженных могучими битюгами. Этим благостным событиям посвящалась передовица «В битве за урожай», которую Клим читал с превеликим удоволь-

ствием. Полгода назад он изобрел бумагу и книгопечатание, а дальше прогресс ринулся стремительным путем, — кроме солидного «Вестника» народилось в столице еще несколько газет, весьма напоминавших желтую прессу. Одни занимались криминалом, другие собирали сплетни королевского двора, толкуя так и этак об амурных приключениях кавалеров и дам, их туалетах, прическах и украшениях. Более того, издатели додумались до гравюрной техники, дополнив ею печать, и теперь можно было наткнуться на рисунок с какой-нибудь пышечкой-фрейлиной в неглиже. Что-то с этим надо было делать, но что, Клим пока не решил. Впрочем, радикальные способы имелись — порка и ссылка в рудники.

Закончив с передовицей, он пробежал глазами бюллетень о здоровье королевы и юного наследника, заметку о предстоящих балах и пару басен, автором которых был Црым, королевский шут. Далее шло интервью с сиром Астрофелем, министром двора и советником Левой Руки. Местный шелкопер наседа на Астрофеля, пытаясь выяснить, будут ли рыцарские ристания в ближайшем месяце или их отложат до праздника урожая. Астрофель, муж многоопытный, отвечал уклончиво — дескать, мероприятие вроде бы в плане, но еще не согласовано с военным министром сиром Ротгаром и капитаном стражи сиром Карвасом Лютым. К такой неясности имелась веская причина — последнее слово было за королем, а Клим считал турниры варварским обычаем. Ему хотелось заменить их олимпиадами или, на худой конец, соревнованием стрелков и пятиборьем.

Целая страница «Вестника» пришлась на опус барона Джакуса бен Тегрет, брата юной королевы, крупного виноторговца и помещика. Он становился видной политической фигурой в Хай Бории — не потому, что был королевским шурином и удачливым не-

гоциантом, а по причине здравого разума, дипломатического такта и любви к изящной словесности. Учреждая «Столичный вестник», Клим без колебаний назначил его главным редактором, и теперь в каждом номере встречались сонеты весьма приличного качества, подписанные псевдонимом Джа Виршеплет. Но в этом «Вестнике» были не любовные стихи, а большая статья, трактующая национальную идею Хай Боррии. На сей счет шурина надоумил Клим, помнивший, с какими муками искали эту идею в России, — искали, да так и не нашли. А что за страна, что за вождь и нация без идеи?.. Словно впотьмах бредут они в грядущее, не представляя, кто друзья, кто недруги, к чему стремиться и как избежать случившихся в прошлом ошибок. Опасный путь! Так что Клим постарался, чтобы королевство обрело идею, и не какую-то слишком заумную, а понятную для знати и народа.

Экспансия и расширение границ! Новые земли и выход к морям! Джакус, человек миролюбивый, писал об этом осторожно, поминая южные степи, что подвергались набегам орков, Огнедышащий хребет на востоке, отделявший Хай Боррию от Эльфийских Лесов, и берег Дикого моря на западе, населенный разбойными таврами, но редко — три избы в деревне, а вокруг чащоба с волками-оборотнями. Читая, Клим одобрительно кивал и размышлял о том, что эльфов придется потеснить, орков извести под корень, а прибрежных тавров приобщить к цивилизации — бороды обстричь, шкуры сменить на кафтаны и приставить к сохе. А волколакам и прочей нечисти, если возникнут, будет подарок, болт с серебряным наконечником. Стараниями гномов серебра и золота в его державе хватало с избытком.

Подчеркнув абзац о Диком море, Клим написал на полях: «Отсель грозить мы будем шведам» и поставил

жирный восклицательный знак. Затем потянулся к «Интриге», опубликовавшей новости двора. На сей раз ничего скандального здесь не нашлось, если не считать заметки о луковом соусе, пролитом за корсаж маркизы Санты андр Паго. С маркизой случилась истерика, платье заменили, виновного лакея на ночь упрятали в холодную. Еще «Интрига» сообщала о заседании Королевской ассамблеи изящных искусств, которое почтит присутствием его величество. Вспомнив об этом, Клим встряхнул колокольчик и, когда явились камердинеры Бака и Дога, велел приготовить после обеда малый выезд: белый конь, синий камзол, без короны, но при орденах, плюс два герольда со знаменами.

Ассамблея искусств была учреждена в те же дни, что и первая книгопечатня. Такое за последние месяцы случалось не раз, и всякие заведения под грифом «королевский» росли в столице как грибы: Королевский театр, Королевский музей, Королевская почтовая служба, Королевское географическое бюро. Клим лелеял мечту об Академии наук, но кадров для нее не хватало: два ученых мага на всю столицу, его советник Дитбольд и алхимик магистр Унен. Даже если добавить джинна Бахлула, склонного к наукам и чародейству, с академией все равно не вытанцовывалось. Следовать примеру Петра Великого и импортировать зарубежных ученых мужей Клим не собирался — тем более что в землях франков, свевов, венецианцев было легче легкого нарваться на мошенника. Поразмыслив, он учредил вместо академии Королевскую Тайную канцелярию, отдав ее под начало графу Ардалиону, до того возглавлявшему герольдов и глашатаев. Собственно, из них и состояла канцелярия, из шустрых глазастых парней с хорошим слухом.

Клим бросил тощую «Интригу» из двух листков на более пухлый «Вестник». Третья газета, «Петля и пла-

ха», посвящалась криминальным происшествиям, пыткам, казням и тому подобному. Ее издавал Туйтак, подручный мастера Закеши, городского палача. Выглядел этот печатный орган очень солидно: высшего качества бумага, крупный шрифт, заголовки в алых рамочках и впечатляющие иллюстрации. Богатая газета! Выпускалась она хитрым способом, на средства самих осужденных. Высшую меру Клим не отменил, но головы рубили только душегубам и отъявленным злодеям. Прочих, за отсутствием тюрем, карали быстро и прилюдно, для чего имелись плети, батоги, колодки и позорный столб. Откупного за вину не брали, но дозволялось жертвовать на газету серебряный «дракон»¹, и таких били не очень усердно, с бережением. Шкура всякому дорога, так что касса «Петли и плахи» никогда не пустовала.

Клим просмотрел хронику «У топора» с анонсом наказаний на десять дней вперед, затем углубился в репортаж о банде Соловья-разбойника, лютовавшей вблизи Огнедышащих гор. Злодеи были лихие и неуловимые; наверняка не обошлось без волшебства, хотя советник Дитбольд в этом сомневался. Впрочем, путь до гор лежал неблизкий, и на таком большом расстоянии даже королевский чародей не мог определенно выяснить, был ли разбойник колдуном или просто ловким проходимцем. Дочитав статью, Клим обмакнул в чернильницу гусиное перо и начертал на полях резолюцию: «Графу Ардалиону. Принять срочные меры».

Джинн Бахлул ибн Хурдак, дремавший рядом с чернильницей, проснулся, сел, скрестив по-восточному ноги, зевнул и произнес:

— О господин земли и неба! Не пора ли нам загля-

¹ Серебряные и золотые «драконы» — хайборийские монеты весом 40 граммов. Также используются хайборийский фунт (около трехсот граммов) и эльфийский слиток (10 фунтов или около 3 кг).

нуть к твоей царственной супруге, полюбоваться на львенка-наследника, а потом отдать дань искусству твоих поваров?

Джинна Клим отыскал в тайном дворцовом хранилище, дверь которого была зачарована и открывалась лишь по королевской воле. Бахлула заточили в бутылку еще во времена Сулеймана ибн Дауда, хотя непонятно, за какую вину, — преступных умыслов он не питал и к Сулейману относился с большим почтением. Роста в нем было сантиметров пять, волшебства — с наперсток, но разумом он мог потягаться с любым мудрецом, а отвагой — с храбрейшим из рыцарей. Его содействие в борьбе с драконами и вообще с нечистой силой очень помогало королю.

— Моя царственная супруга пока что занята, — сообщил Клим, покосившись на часы. Половина песка в них еще оставалась в верхнем конусе. — У нее важное дело, а я еще не дочитал сегодняшнюю прессу.

— Пресса... — с задумчивым видом повторил джинн. — Сколь великое и удивительное изобретение! Прежде новости текли с базара из уст в уши и снова в уста, а тут все на листках бумаги. Но боюсь, мой повелитель, есть изъян в этом способе, причем немалый.

— Какой же? — спросил Клим.

— Уста, что молвят ложь, можно запечатать кулаком, а то и язык отрезать, — пояснил крохотный джинн. — Опять же вырвать ноздри лжецу или оставить его без ушей. А марающий бумагу в безопасности, ибо здесь его нет, и его лица мы не видим. Как же его настигнет твоя карающая рука, о солнце вселенной?

Клим усмехнулся:

— Настигнет, не сомневайся. Все шелкоперы в особый список внесены, а список тот хранится в Тайной канцелярии. Пресса, друг мой, точно джинн: вы-

пустил из бутылки — наложи заклятие, да покрепче. В этом граф Ардалион умелый мастер.

Он раскрыл газету «Хайборийский патриот» и строго нахмурился, обнаружив на второй странице поносные вирши про князя Нехайского, а над ними — карикатуру, изображавшую князя Шмера в виде гоблина с отвисшей губой и клыкастой пастью. К этому вассалу королевства Клим теплых чувств не питал. Отличался князь коварством и жадностью, а к Хай Бории он прислонился, страшась набегов южных варваров. Но так или иначе, он был владетельным сеньором и союзником, а потому не стоило его позорить в прессе и портить отношения. Тем более что торговля Хай Бории с Западом шла через Нехайку.

Клим черкнул на полях: «Графу Ардалиону. Такие выпады недопустимы. Сделать издателю внушение. Двух патриотов, стихотворца и живописца, отыскать. Если подходят по возрасту, зачислить в пограничную стражу и выслать из столицы в Северные горы, к гномам».

Последние песчинки бесшумно пересыпались из верхнего конуса в нижний. Клим встал, оправил легкий шелковый колет, в который облачался по утрам, и сложил газеты аккуратной стопкой. Теперь, вместе с пометками короля, они отправятся в Тайную канцелярию, для изучения и исполнения. Крохотный джинн окончательно проснулся и вспорхнул к нему на плечо. Бахлул ибн Хурдак умел творить мелкое волшебство, летать на небольшое расстояние, пускать искры и зажигать свечи шелчком пальцев. Для джинна его размеров это было изрядным достижением.

Вместе они вышли из кабинета. Стражи у дверей отдали салют, но бесшумно — лишь приподняли алебарды, но древками в пол не стукнули. С недавних

пор тишина в королевских покоях считалась священной.

Приоткрыв дверь, Клим заглянул в опочивальню. Его супруга сидела в уютном креслице — взгляд опущен, чуть подрагивают длинные ресницы, волосы расплескались по нагим плечам. На руках Омриваль спал, посапывая, юный принц, будущий король Хай Бории. Дана и Мана, две молодые фрейлины, разворачивали пеленки, третья, маркиза Пайла диц Марем, хлопотала у детской кровати из бахбукового дерева. Над ней висело огромное полотно в золоченой раме, творение маэстро Бокаччо, художника-венецинца: владыка Хай Бории поражает дракона волшебным мечом. Так виделось художнику, хотя на самом деле Клим прикончил чудовище секирой.

Не дыша, он смотрел на сына, жену и суетившихся вокруг них фрейлин. Должно быть, Омриваль ощутила его взгляд: поднялась, протянула спящего ребенка девушкам, застегнула корсаж, отбросила со лба прядь волос цвета светлого меда. Потом улыбнулась мужу и промолвила:

— Я готова, мой господин. Сегодня я велела подать яйца, телячьи колбаски и блины с вареньем, а к ним тот горький напиток, что привозит из Венеции Варасхий Мореход. Кажется, кофий?

Молча кивнув, Клим предложил ей руку.

Первый завтрак был накрыт на четверых, считая Бахлула и скомороха Црыма. Джинну хватало четверти яичного желтка и наперстка с кофе, зато шут знай наворачивал за себя, за Бахлула и за королеву, которая по утрам ела немного, колбаску да блин. Но заслуги Црыма были таковы, что он считался членом королевского семейства, имевшим особую привилегию не отходить от стола, пока не очищены все тарелки и подносы. Второй завтрак был официальным, с при-

сутствием министров и докладом сира Ротгара о возведении крепостей на южной границе. После обеда и совещания с магом Дитбольдом Клим решил, что с государственными делами покончено и можно отправляться на ассамблею.

Во дворе его ждали конюхи, белый красавец-жеребец под седлом из кожи полярного козла и маленькая свита — два герольда на конях и Црым на ослике. Склонность шута к изящным искусствам казалась Климу удивительной, ибо Црым был гномом, а заподозрить этот народец в тяге к прекрасному он никак не мог. Гномы, конечно, сочиняли сказки, но лишь тогда, когда это касалось пошлин и налогов в королевскую казну. В прочих случаях гномы с Северных гор, добывавшие металл и драгоценные камни, являлись реалистами, а еще проходимцами и выжигами. Книг они не читали и не писали, и доверять им ключ от квартиры, где деньги лежат, явно не стоило. Црым, однако, был особенным гномом, изгнанным соплеменниками за длинный язык и неспособность к горному промыслу. Зато в шутовском ремесле талант его раскрылся, как цветок под майским солнышком. Он мог достать из уха воробья, мог кувырнуться, ходить колесом и съесть три дюжины сосисок, а теперь еще и подвизался в роли баснописца. Клим его поощрял — дедушки Крылова в королевстве явно не хватало.

Выехав из врат замка, четверо всадников легкой рысью направились к городской площади. Клим посещал ее каждые пять дней; садился на ступеньки храма Благого Господа и возлагал ладонь на головы увечных и недужных. Королевский дар исцеления был, вероятно, самой удивительной способностью, обретенной им в Хай Бории. Перед ней меркли другие чудеса: общение с призраками и вампирами, огонь, который он мог выдыхать с помощью зелья силы, и странствия по городам и весям в семимиль-

ных сапогах. Дар исцеления все это перевешивал, доказывая, что Марклим андр Шкур — истинный король и божий избранник.

Площадь была полна народа. Перед белым жеребцом почтительно расступались, приветствуя короля криками: «Вира лахерис!» — и кланяясь в пояс. «Майна хабатис»¹, — отвечал Клим, милостиво кивая. Шут за его спиной корчил рожи и звенел бубенцами, герольды вздымали королевские стяги с золотым драконом на пурпурном поле.

За последние месяцы площадь изменилась. Храм Благого Господа, ратуша напротив него, кабак «У отрубленной головы» и лавки богатых купцов остались на месте, но эшафот убрали, соорудив в центре площади фонтан с тритонами и наядами. Теперь мастер Закеша трудился у моста над рекой Помойня, охаживал там плетью мошенников и рубил головы злодеям. Недоброй памяти башню, где держали провинившихся, снесли, выстроив вместо нее здание Королевской библиотеки, небольшой дворец о трех этажах в стиле классицизма. К нему Клим и направился.

Книги в этом мире были редкостью, и потому у здания стояла стража — правда, не гвардейцы, а из городских блюстителей порядка. Под библиотеку, включавшую сотни три фолиантов, пока что рукописных, отвели третий этаж, и здесь же сидели писцы и главный библиотечный хранитель сир Мараска бен Турута. На втором размещались книгопечатня, редакция «Столичного вестника» и скромный музей с пятью десятками картин, кое-какими статуями и диковинами из зарубежных земель. Здесь также были собраны сокровища из логова дракона, уцелевшие от огня старинные кубки и чаши, древние монеты, пан-

¹ Традиционные хайборийские приветствия: вира лахерис — живи вечно, майна хабатис — и вам того же.

цири, щиты и другое оружие. Над входом в музей были прибиты огромная драконья голова, две страшные когтистые лапы и секира, которой Клим прикончил чудище. Сир Мараска водил сюда ребяташек, приобщая молодое поколение к искусству и истории родного края.

Для заседаний ассамблеи предназначался уютный зал на первом этаже. Тут стояли кресла за круглым столом — для господ литераторов, кресло с высокой спинкой — для короля, а у стены — лавка для досужей публики. Когда Клим переступил порог, члены ассамблеи поднялись, отвесили поклоны и дружно выкрикнули:

— Вира лахерис, твое величество!

— Майна хабатис, господа, — ответил Клим и опустился в кресло. Шут стащил колпак с бубенчиками, сделал умное лицо и пристроился справа.

Слева от Климид сидел синеглазый красавец Джакус бен Тегрет, братец Омриваль и редактор «Вестника». За ним — два барда, перебравшихся поближе к королевскому двору и очагам культуры, Дрю из Халуги и Опанас из Дурбента. Дальше — Туйтак, издатель «Петли и плахи», и торговец снами Гортензий де Мем. Все молодые, пригожие, цвет столичной интеллигенции. Глядя на них, Клим ощущал себя королем Артуром в компании рыцарей Круглого стола. Впечатление портил только шут с его кривым носом и ртом до ушей.

На лавке в углу жался Каврай из Вайдан-Бугра, лютнист и певец, уличенный некогда в халтуре при исполнении древних баллад. Выступать ему Клим не запретил, но, согласно судебному вердикту, публике разрешалось приветствовать его тухлыми яйцами и гнилыми помидорами. После пары таких экзекуций Каврай, похоже, поумнел, а наглости у него поубави-

лось. Пусть слушает, решил Клим, кивнув Гортензию де Мему.

Тот поднялся, развернул свиток, принял вдохновенный вид и провозгласил:

— «Эльфийка, или Несчастливая любовь рыцаря Данилы». Поэма в четырех песнях, повествующая об истинных событиях, случившихся некогда с графом Ардалионом. — Тут Гортензий выдержал паузу, откашлялся и добавил: — Сотворено мною с разрешения графа и при его содействии.

Сам граф Ардалион отсутствовал, — должно быть, чтобы не смущать поэта. История же его несчастий, известная Климу, была такова. В юности, охотясь за Огнедышащим хребтом в Великих Эльфийских Лесах, встретил он девицу красоты неопишуемой. Возможно, было той девице лет двести или триста — эльфы долго живут, — но юный рыцарь годы ее не считал, а прилег с нею на мягкие мхи и предался страсти. Все бы ничего, но поднесла ему барышня эльфийский мед, и он по глупости выпил это зелье. А пригубивший такого меда навек теряет интерес к девицам и дамам, кроме своей эльфийской возлюбленной — той, что взяла его на короткий поводок. Так что ходил Ардалион в холостяках тридцать лет и три года, и хоть в пятьдесят он был все еще красив и статен, а к тому же родовит и богат, ни жены, ни детей завести не сумел. Даже Дитбольд, королевский маг, не мог избавить его от эльфийского чародейства.

Вскинув взгляд к потолку и глубоко вздохнув, Гортензий принялся читать первую песнь. Его занятие — торговля снами — располагало к романтике и мечтательности; декламировал он с выражением, приподнимая брови и раздувая ноздри в тех местах, где говорилось об алых губках, розовых ланитах, очах небесной синевы и прочих прелестях эльфийки. Описав соитие рыцаря с девицей (в выражениях иносказате-

льных и нежных), Мем закончил песнь описанием кубка меда, поднесенного коварной соблазнительницей.

Клим слушал внимательно. Он был отнюдь не чужд искусству, так как в юные годы окончил театральный институт с дипломом критика-театроведа. Мнилась ему жизнь в блистающем мире шоу-бизнеса, кинофестивалей, театральных премьер, фуршетов и вечеринок; а еще он питал надежды — чем черт не шутит! — на собственную программу на каком-нибудь телеканале. Мечты, честолюбивые мечты! Реальность оказалась жестокой — ни приглашений на премьеры, ни заказных рецензий, ни режиссеров и актеров, жаждущих его внимания. С горечью в сердце Клим убедился, что путь критика вымощен безденежьем, низкопоклонством, а иногда и бесчестьем. Но он был молод, крепок и способен к переменам: откинул былые надежды, избрал военную стезю и дослужился до майора. Оно и понятно — держава нуждалась не в критиках, а в офицерах. Чем больше страна, тем больше у нее врагов, а Россия столь огромна, что поводов повоевать имелось множество. Клим сражался с честью, сначала в десантных войсках, потом командуя подразделением спецназа. Должность невысокая, но, так или иначе, он не бедствовал — правда, о прежней своей профессии вспоминал с тоской.

Но все это осталось в прошлом, а в настоящем он был королем. Выгоды очевидны, думал Клим, теперь он критик, меценат, военачальник, и все в одном стакане. А прошлое... Что о нем вспоминать! Ворона и орел летают в разных небесах.

В песнях второй и третьей говорилось о терзаниях Данилы, о редких встречах в Эльфийских Лесах, о сладости запретных поцелуев и попытках родичей сосватать бедняге то графиню Цацу бен Шакузи, то маркизу Гайне диц Харем, которых рыцарь неизменно

отвергал. Четвертая песнь и вся поэма кончалась трагически: красавица забыла рыцаря, и он, не выдержав сердечных мук, бросился с крепостной стены.

Гортензий смолк.

— Высказывайтесь, сиры-сочинители, — предложил Клим, брякнув орденами. — Критикуйте, но в дозволенных пределах, без хамства и грубости, а также без рукоприкладства. Тебе говорю, Туйтак! — Он повысил голос. — Здесь не эшафот, а место для культурного общения.

— Что я... — смешался помощник мастера Закеши. — Прости, твое величество! Прощлый раз бес попутал!

— Крепко попутал, — сказал Опанас, потирая скулу.

Воцарилась тишина. Наконец Црым покосился на короля и молвил:

— Хм... м-да... Тема не раскрыта. Ты, Гортензий, наворотил руды вагонетку, а золота в ней на один «дракон». Перца мало! Все про губки да ланиты... А если ниже заглянуть? Ниже-то будет поинтереснее!

— Стих жидковат, и рифма хромает, — добавил Опанас Дурбентский. — Вот, во второй песне, любовь — морковь... совсем неблагородный овощ. Здесь иная рифмовка нужна, поэнергичнее. Скажем, так: любовь — вскипела кровь, или любовь — полумесяцем бровь!

— Истинно глаголешь, жидковато и для печати негоже, — согласился Дрю из Халуги. — А еще слишком затянута — целых две песни о страданиях и муках. По мне, так хватит одной.

— Прямо скажем, не Барак Абаламский и даже не Криль Песнопевец, — осторожно произнес Туйтак, помощник палача. — Батальных сцен вовсе нет, а ведь Данила твой — рыцарь. Отчего бы ему не схватиться с каким-нибудь ревнивым эльфом? Выпустил бы киш-

ки остроухому, и гуляй малина. Или хоть бы в лоб заехал!

Гортензий начал было бледнеть и сжимать кулаки, но тут раздался мягкий голос сира Джакуса:

— В любовной повести не место поединкам, и слышать мы должны не лязг клинков, а отзвуки лобзаний. Что до огрехов в стихосложении, простим великодушно их, ибо перед нами первый опыт достойного Гортензия. Не сомневаюсь, он не забудет сказанного нами.

Де Мем опять порозовел. Его дед был пиктским друидом, переселившимся в Хай Борию, и от него внуку достались длинноватый тонкий нос, соломенные волосы и наследственное занятие. Снами торговали исключительно пикты.

— Этот его стих — не первый, — упрямо буркнул Туйтак. — Была еще возлюбленная ода, тоже слюни и сопли. Как бабочка порхаешь ты над лугом и пьешь нектар цветов весенних... Бабочка, ха!

Гортензий скрипнул зубами и снова побледнел. У него явно намечались контры с Туйтаком.

— Я просил без оскорблений, — произнес Клим. — Есть что сказать по существу? Так молви!

— Есть, твое величество! У него Данила прыгнул со стены... А ведь стена городская была в развалинах. Это сейчас ее подняли по твоему велению. А было что? Ослу по яйца! Сиганешь с такой стены — пятки отобьешь, и только!

Дрю с Опанасом захихикали, а Црым рассудительно вымолвил:

— Если уж прыгать, так с дворцовой башни, а лучше отравы глотнуть и скончаться в страшных судорогах. Но на деле сир Ардалион жив и даже превозмог эльфийские чары и завел супругу. Как-то у тебя не вяжется с реальностью, брат Гортензий. Ты чего перестарался?

— На то было особое пожелание графа Ардалиона, — прошипел сквозь зубы Мем. — Захотелось ему трагический конец, ибо, по его словам, так бы все и случилось, если бы не милостивый наш владыка и госпожа Хоколь. Их стараниями граф исцелился.

Барды вздрогнули, Туйтак прикусил губу, лютнист Каврай скорчился на своей скамейке, стараясь казаться поменьше. Даже Црым втянул голову в плечи, изображая на лице крайнее почтение. Прошла минута. Потом Опанас Дурбентский нерешительно протянул:

— Ясно дело, госпожа Хоколь женщина видная. Любого мужчину излечит от чего угодно...

— Даже от эльфийского чародейства, — поддержал его Дрю из Халуги.

— Потому как ведьма, — тихо добавил Туйтак и тут же стушевался под взглядом Црыма.

— Ты это о чем, парень? Собственной плетки давно не пробовал? — ласково поинтересовался шут. — Ведьма, значит? Ты про кого такое лепишь? Про графскую супругу и родственницу короля?

Нравом госпожа Хоколь была крутовата и, если не кривить душой, являлась ведьмой, а точнее — ведуньей. Клим познакомился с нею в деревне Плохая Погода, что в Огнедышащих горах, встретил ее перед битвой с драконом и к ней же пришел после сражения, израненный и опаленный огнем. Хоколь короля исцелила, и он, заметив, что ведунья женщина пригожая и статная, усмотрел в том пользу и велел явиться во дворец. О том, как Хоколь лечила графа от эльфийских чар, никому не ведомо, но вскоре обвенчали их в храме Благого, и сделался граф через супругу королевским кунаком-баурсаком.

То была особая форма родства среди мужчин: Омриваль, королева Клим, приходилась сестрой барону Джакусу, Джакус был женат на Терине, племян-

нице Хоколь, а Хоколь стала супругой Ардалиона. Обе они, Терине и Хоколь, родились в Плохой Погоде и не относились к знати, но в Хай Бории не считалось зазорным графу или барону жениться на крестьянке. Была бы собой хороша да детей рожала, а остальное приложится.

Црым сверлил Туйтака взглядом — и уже отнюдь не ласковым. Издатель «Петли и плахи» начал ерзать и бледнеть, оба барда замерли в тревожном ожидании, Гортензий де Мем мстительно усмехался, а Джакус с печальным видом глядел в потолок.

Все как у нас в собраниях пиитов, подумал Клим. Едят друг друга, жают и язвят... Ну и отлично! Так и возвращаются таланты! А литературный талант самолюбив, ревнив, к славе жаден, и только повод дай — вцепится коллеге в горло.

Так он думал, но, конечно, это были мысли критика, а не короля. В своей королевской ипостаси Клим знал, что сказать и что сделать.

— Не всякий пиит оседлает Пегаса в свои молодые годы, — важно произнес он. — Ты, Гортензий, еще не оседлал, но очень старался. Давай и дальше так! Твори, трудись! Оседлаешь, а там и на Олимп махнешь. Как говорится, через тернии — к звездам.

— Это такое заклинание, господин? — робко спросил Гортензий.

— В каком-то смысле. Что до твоей поэмы... — Клим окинул автора строгим взглядом, и тот затрепетал. — Дрю прав, читать ее в печатном виде сил не хватит, но для декламации стих у тебя вполне подходящий. Так что повелеваю переделать поэму в пьесу, собрать лицедеев и поставить ее на театре. А чтобы трудился ты ретивее, вот задаток. Жалую с правом ношения.

Клим отшпилил орден с крупным изумрудом и вложил его в ладонь Гортензия. Туйтак сглотнул слю-

ну, Дрю с Опанасом завистливо вздохнули, лютнист Каврай облизнулся и с вожделением уставился на орден. Глаза торговца снами увлажнились, на щеках расцвели розы. Гортензий вытер слезинку, поклонился в пояс и молвил прерывающимся голосом:

— Твое величество... благодетель, отец родной... господин мой милостивый... нет слов... Нет слов!

— Хоть ты и отродье пикта, а все-таки поэт, — проворчал Црым. — Как же нет слов? Должны быть, парень! Ну-ка, соберись с мыслями и благодари государя как положено!

Гортензий открыл было рот, но дверь внезапно распахнулась, явив бородатую рожу сержанта стражников.

— Величество! — рявкнул воин. — Гонец из замка! Твою особу видеть желают. По срочным делам!

— Что там еще? — с недовольством отозвался Клим. — Конюшня горит? Или крыша над свинарником просела?

— Нет, государь, дыма не видно и треска не слышно, — сообщил сержант. — Гонец одначе бает про посольство из Нехайки. Значится, от ихнего князька.

— От князя, — поправил Клим. — И что ему нужно?

— Не могу знать, твое величество!

Как уже говорилось, к князю Нехайскому Клим любви не питал. Но любовь любовью, а дело — делом. Мало ли что могло случиться на южной нехайской границе. Вдруг орки вышли из Великого Болота или вылезло на берег Дикого моря какое-то чудище... Представив картину возможных бедствий, Клим резво поднялся и бросил стражнику:

— Скажи, чтоб лошадей подавали! Црым, можешь остаться. А ты, брат Джакус, веди собрание вместо меня. И чтобы без рукоприкладства!

Он вышел на крыльцо, огладил гриву белого коня и вдел ногу в стремя.

ров первые морские суда уже были спущены на воду, завезены припасы и снаряжение, и Синдбад-мореход со своей командой уже прибыл в крепость Ашрамкала, чтобы возглавить флот в звании адмирала моря-океана. Намечалась большая экспедиция на запад для поисков легендарного материка Астлан, Америки хайборийского мира. Кот-баюн, коему были известны все моря и земли, все пути небесных птиц и ход рыб в пучинах океана, был бы очень полезен в этом странствии, — о лучшем проводнике и мечтать не приходилось.

Но кажется, со вздохом подумал Клим, придется оставить его дома.

Приложение

МИР ХАЙ БОРИИ

*Династии, благородное сословие, горожане,
селяне, маги и магические существа*

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ

Марклим андр Шкур Драконоборец, король Хай Бории и всех земель, подвластных королевству, победитель орков, гоблинов, драконов и демонов Тангутской пустоши (в прошлом — майор спецназа Клим Андреевич Скуратов).

Омриваль из рода баронов Тегрет, его королева.

Их сын, юный наследный принц.

Сир Джакус бен Тегрет, барон и старший брат королевы, крупный землевладелец, а также литератор и главный редактор «Столичного вестника» (в прошлом — содержатель кабачка «У золотого шердана» на Речной улице).

Терине, его жена (в прошлом — девица из селения Плохая Погода, что в Подгорье).

Сир Ардалион диц Батригей, граф и глава Королевской Тайной канцелярии (в прошлом — главный герольдмейстер и королевский судья).

Хоколь, его жена, тетка Терине (в прошлом — ведунья из селения Плохая Погода). Став супругой Ардалиона, не бросила колдовские занятия, по каковой причине многие считают ее ведьмой и очень побаиваются.

ПРЕЖНЯЯ ДИНАСТИЯ

Рипель-и-Герматак, прежний король, продавший душу дьяволу и перебравшийся, ради спасения, в Земную реальность. Его судьба в нашем мире неизвестна (возможно, стал олигархом или убит).

Его предки: отец — король Ольвиргин, дед — король Пилик, прадед — король Вамча.

Гервасий — дальний предок Рипеля, носивший долгое время титул святого Гервасия Драконоборца. Память о нем уничтожена, ибо выяснилось, что на самом деле он был педофилом, лгуном и ни с какими драконами не сражался. Существует в качестве призрака, неупокоенной души.

ЧЛЕНЫ КОРОЛЕВСКОГО СОВЕТА И ИХ РОДИЧИ

Первым советником Правой Руки является королева Омриваль.

Сир Дитбольд, советник Правой Руки, королевский маг. По происхождению метис: хайбориец с примесью эльфийской крови.

Сир Жинус-и-Марако, бывший советник Правой Руки, казначей и казнокрад (забран дьяволом в преисподнюю).

Сир Хапача бен Хапача, советник Правой Руки, казначей (в прошлом — удачливый предприниматель и бизнесмен, знающий толк в торговле).

Сир Астрофель диц Техеби, советниклевой Руки, блюститель дворцовых покоев.

Сир Гаммек бен Санап, бывший советниклевой Руки, военный министр. По глупости бежал в княжество Нехайское, где был казнен великим князем как предатель.

Павана бен Санап, его жена; ее казнили вместе с супругом.

Сир Ротгар Кровавый, советниклевой Руки, военный министр, граф Киммерийский (в прошлом — один из рыцарей королевской охраны).

Сир Тигль диц Марем, советниклевой Руки, столичный градоначальник, маркиз диц Марем.

Пайла диц Марем, его жена, старшая фрейлина королевы.

ПРИДВОРНЫЕ И НЕКОТОРЫЕ СЛУГИ

Сир Карвас Лютый, капитан дворцовой стражи, начальник штаба военного ведомства, барон Карвас-и-Тиц (в прошлом — один из рыцарей королевской охраны).

Сир Адальби андр Паго, главный ловчий и устроитель королевских охот. Находится в очень преклонном возрасте, отчасти подвержен маразму, по какой причине обязанности ловчего исполняет его сын.

Сир Бирхард андр Паго, сын Адальби, маркиз.

Санта андр Паго, его жена.

Сир Мараска бен Турута, барон, главный библиотечный хранитель.

Сир Напзан, королевский архивариус. Как и Адальби андр Паго, находится в очень преклонном возрасте, но должность свою исполняет отлично.

Настоятель храма Благого Господа.

Црым, королевский шут, гном-изгнанник.

Хохат, мажордом, помощник Астрофеля диц Техеби.

Бака и Дога, личные слуги и камердинеры короля.

Кохто, юный паж короля.

Дана и Мана, молодые фрейлины королевы.

Маэстро Бокаччо, живописец из Венеции на королевской службе.

Бахлул ибн Хурдак, могущественный джинн и тайный советник короля.

Кот-баюн, он же — хатуль мадан; подарен королю великим пресвитером Иоанном.

Старец из зеркала, далекий предок короля Клима, предавший душу Сатане.

РЫЦАРИ КОРОЛЕВСКОЙ ОХРАНЫ

Сир Фицер Ненасытный, любитель выпить и закусить.

Сир Вардар Сокрушительный граф андр Анкат.

Сир Персен Смертоносный.

Сир Карвас Лютый (ныне — капитан дворцовой стражи).

Сир Вздор Свирепый.

Сир Драч Неуловимый.

Сир Понзел Блистательный.

Сир Олифант Беспощадный, барон диц Шакузи.

Сир Ротгар Кровавый, граф Киммерийский (ныне — военный министр).

Сир Верваг Суровый.

Сир Бакуд Железнобокий, большой знаток лошадей.

Сир Жмых Стремительный.

ОФИЦЕРЫ КОРОЛЕВСКОЙ ГВАРДИИ

Лаурсан, командир полка латников на боевых возах.

Этек, командир первого полка конных гвардейцев.

Аниссон, командир второго полка конных гвардейцев (убит в сражении с орками).

Делтак, капитан полка пеших латников.

Мамыш, королевский капитан воздушной развед-

ки, сформированной из вампиров (в прошлом — отставной сержант, содержатель кабака «Гнилые кости»).

ВАМПИРЫ, ОБИТАЮЩИЕ В СТОЛИЦЕ

Шепот Во Тьме, самый сообразительный вампир (удостоен награды — капли королевской крови).

Тень Ветра и Глас Ночи, не очень сообразительные вампиры (умеют считать только до десяти).

ГОРОЖАНЕ И НЕКОТОРЫЕ ЖИТЕЛИ ХАЙ БОРИИ

Мастер Закеша, городской палач с королевской лицензией.

Туйтак, его подручный и издатель газеты «Петля и плаха».

Мастер Унен, алхимик.

Мастер Авундий, ростовщик, оказавшийся посланцем из преисподней.

Матушка Ужа, содержательница публичного дома «Невеста на часок» на Речной улице.

Варасхий Мореход, купец, содержатель лавки с экзотическими товарами.

Мастер Енагит, лучший портной в столице.

Мастер Культык, бывший придворный повар, содержатель ресторации «Кривое колесо».

Мастер Пшимахо, также бывший придворный повар, содержатель ресторации «У хромого гоблина».

Мастер Киргача, содержатель таверны «У отрубленной головы» на главной городской площади.

Папаша Каншоко, кабатчик, содержатель трактира «У трех богатырей».

Кривой Омрын, кабатчик, содержатель трактира «Пятак».

Гука, кабатчик, содержатель трактира «Братаны-стаканы» на Рыночной площади.

Сестрица Покатель, кабатчица, содержательница трактира «Третья бесплатно» на Рыночной площади.

Коротышка Татак, кабатчик, содержатель шалмана «Логово гномов» с гномьей кухней.

Гортензий де Мем, литератор, поэт, торговец снами, потомок пикта.

Дрю из Халуги, литератор, бард.

Опанас из Дурбента, литератор, бард.

Барак Абаламский и Криль Песнопевец — знаменитые барды прошлого.

Каврай из Вайдан-Бугра — лютнист и певец.

Бахар, шулер, осужден королевским судом.

Герган, совратитель девиц, осужден королевским судом.

Перкус диц Тухта, барон-разбойник, казнен по решению королевского суда.

Амала, жена медника Шафиза из Заречья, и ее малолетний сын.

Альжан, дочь башмачника Хабада, девочка-привидение.

НЕХАЙСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ ДОМ

Великий князь Шмер Нехайский.

Дрейзе бен Шмер, принцесса, его дочь.

Лавр бен Шмер, принц, его племянник.

ЭЛЬФЫ ИЗ ВЕЛИКИХ ЭЛЬФИЙСКИХ ЛЕСОВ

Дезидерада, принцесса, дочь эльфийского владыки.

Дук Джангалеадзо и дук Гундобальдо — знатные эльфы, придворные принцессы Дезидерады.

ГНОМЫ СЕВЕРНЫХ ГОР

Кайло Киркорыч, старшой гномов.
Глузд и Лопата, его помощники.

КИММЕРИЙЦЫ

Конан, один из киммерийских вождей.
Ронан Убивец и Ронан Громила, его братья.
Торир, младший вождь.

РАЗБОЙНИКИ

Соловей-разбойник, предводитель банды.
Боха Костомар, Сруль, Чернявый, Дерибан — разбойники.

Поганка, она же Мата, она же Мата Хари, агент под прикрытием из службы графа Ардалиона.

ИУНДЕЙЦЫ

Иоанн, великий пресвитер, владыка Иундеи.
Ашрам Абара, носитель семисвечника, посол и приближенный великого пресвитера.

Шалом Упанишад, полководец, держатель крепости Хванчкала.

Мабахандула, старый боевой маг.

Коба Тараган, сталкер из тангутов.

Гррохатривашана (Грро), сталкер, сайлонский оборотень.

Чунга, сталкер, псоглавец.

Сосо Сайкел, погибший сталкер из тангутов.

Кррх, погибший сталкер, сайлонский оборотень.

Зараб, фермер, разводивший онагров; погиб в пустоши Демонов.

Чальвара, юная баядера.

ИУНДЕЙЦЫ-КОРАБЕЛЬЩИКИ

Синдбад-мореход.

Клык, Удав, Пропашая Душа — рулевые на корабле Синдбада.

Гундосый, Укус, Шестипалый, Дырявый Зуб, Глотка, Весло, Чума, Колченогий и другие — моряки из команды Синдбада.

Дозорный попугай.

ГРУППА 3516 СПЕЦНАЗА, *КОТОРОЙ КОМАНДОВАЛ* *МАЙОР КЛИМ СКУРАТОВ*

Сергей Ильинский, старший лейтенант, затем капитан, командир подразделения 3516.

Илья Рукавишников, лейтенант; впоследствии — полковник, летчик и знаменитый космонавт, участник экспедиции на Марс, состоявшейся в тридцатые годы XXI века.

Бондарь, лейтенант.

Каныгин, старший сержант.

Николай Суханов, сержант, снайпер.

Бирюк, сержант, снайпер.

Снигирь, сержант.

Солопченко, связист.

Перепелица по кличке Зорро, разведчик-наблюдатель.

Чеботарев, Анвар Курмаев, бойцы группы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие автора</i>	5
<i>Глава 1. Рыцари Круглого стола</i>	8
<i>Глава 2. Носитель семисвечника</i>	27
<i>Глава 3. Оракул за шахматным столиком.</i>	47
<i>Глава 4. Прекрасная Дезидерада.</i>	63
<i>Глава 5. Направо пойдешь — коня потеряешь</i>	79
<i>Глава 6. От дремучих лесов до Поднебесных гор</i>	98
<i>Глава 7. Трое в лодке, не считая кота</i>	120
<i>Глава 8. Генерал, лазутчик и маг.</i>	140
<i>Глава 9. Зона. Первый рубеж.</i>	155
<i>Глава 10. Зона. Сражение у башен.</i>	180
<i>Глава 11. Зона. Злая звезда</i>	206
<i>Глава 12. Бомбай. Великий пресвитер</i>	237
<i>Глава 13. Синее море, буйные ветры</i>	260
<i>Глава 14. Дикий берег. Тавры</i>	285
<i>Эпilog.</i>	302
<i>П р и л о ж е н и е. Мир Хай Бории. Династии, благородное сословие, горожане, селяне, маги и магические существа.</i>	305